

УДК 172

«Инновационный хаос» в транзитивном обществе (социокультурный анализ)

О. М. Штомпель

(Южный федеральный университет)

Рассматриваются инновационные процессы в современном обществе с социокультурной точки зрения. Определены кризисные явления (такие, как архаизация культуры), возникающие в условиях «инновационного хаоса» в трансформирующемся социуме.

Ключевые слова: социокультурная инновация, инновационный кризис, модернизация, архаизация.

Введение. «Инновация», «инновационное развитие», «гонка за новизной» и т. п. — понятия, которые активно используются в современной гуманитаристике для характеристики сущности цивилизационного развития в конце XX — нач. XXI вв. Правда, процессы инновизации общества рассматриваются, как правило, без учёта их культурной составляющей, в результате чего довольно часто становится непонятно: почему рационально и технологически верно задуманное новшество в ходе его реализации приводит к хаотизации социальной жизни.

Таким образом, основной целью данной статьи является определение социокультурной сущности инноваций как основного, в отличие от традиций, механизма развития общества конца XX — нач. XXI вв. и анализ на этой основе феномена «инновационного хаоса».

Основная часть. Современный социум втягивается в особую фазу развития, одной из характеристик которой становится всеобщая инновизация, отсюда и возникновение в теоретическом дискурсе нового термина — «инновационное общество». Само экономическое развитие порождает движение общества от традиционных ценностей к ценностям индивидуализации и самовыражения, что даёт мощный толчок к инновизации сознания и культуры [1].

В культуре инновационного социума перестают действовать социокультурные системы, жёстко детерминирующие жизнедеятельность индивида. Общество «виртуализируется» (Д. Иванов), институциональные связи «размываются» и, по мнению А. Турена, социум превращается из «институционально-регулируемого целого» в хаотическую «площадку» возникновения и развития конфликтов из-за достижения символических благ. Человек в этих условиях перестаёт быть лишь элементом социальной структуры и получает большую степень свободы в выборе индивидуальной траектории развития. В связи с этим усиливается роль культуры, которая из «охранительницы устоев» превращается в активный фактор социокультурного формообразования и обновления. Соответственно, возрастает и значимость духовного мира личности в социальной, политической и экономической динамике. Недаром в современных экономических исследованиях происходит отказ от концепции «экономического человека» к моделям человека «исторического», «психологического», «культурного» и т. п.

Цивилизационный сдвиг в глобальном развитии свидетельствует, в первую очередь, о том, что современная культура переориентировалась на перманентное обновление, на ценности инновационного развития. При этом «инновационный транс», в который погружается мир, свидетельствует о наступлении «эры кризисов», связанных с ускорением социокультурного развития, всё усложняющейся дифференциацией, непрерывной инновизацией различных сфер жизни общества — в результате утрачивается тождество человека с самим собой и единство социума. В итоге социальные, экономические и культурные подсистемы подвергаются постоянному изменению, следовательно, находятся в состоянии непрерывного кризиса.

Таким образом, современное общество, где базовым социокультурным механизмом производства и трансляции культуры является не традиция, а инновация во всех сферах жизнедеятельности человека, находится в состоянии бесконечной «гонки за новизной», в результате чего ситуация оказывается вполне адекватной диалектической формуле: «старое отживает, но ещё не отжило, а новое возникает, но ещё не возникло». Иначе говоря, социум конца XX — начала XXI вв. является перманентно кризисным, переходным, транзитивным и всё более рискогенным. Непрерывный процесс разрушения господствовавших в обществе старых, давно апробированных социальных практик, технологий, культурных норм, правил и способов поведения сопровождается возникновением новых, что неизбежно порождает кризисные явления.

Что же такое инновация с социокультурной точки зрения? Следует отметить, что становление сравнительно новой области междисциплинарных исследований — инноватики — явилось продолжением изучения проблем, волнующих специалистов различных областей знания уже не один десяток лет. Встреча европейской культуры и культур колонизируемых народов породила необходимость изучения их взаимодействия, в результате чего понятие «инновация» возникает в теоретических исследованиях философов, социологов и культурологов 2-й половины XIX века. Культурная инновация в их представлениях являлась важнейшей характеристикой взаимодействия культур, когда некоторые элементы европейской культуры инфильтровались в традиционные культуры. Основным механизмом такого проникновения считали прежде всего механизм психологического взаимодействия.

В антропологии и этнографии термин «инновация» используется при исследовании процессов изменений в культуре, выступая как антоним термину «традиция». Особое внимание уделялось диффузии культурных новообразований в соответствующей среде, включая их перенос в иные культуры. Тем самым понятие инновации оказалось включено в контекст концепции диффузионизма, который пришёл на смену плоскому эволюционизму в трактовке изменений культуры. Подобные инновационные процессы трактовались как основные кросс-культурные факторы развития различных культурных образований (обрядов, языков и диалектов, социальных институтов, технологий и т. п.). Однако в первой половине XX в. под влиянием функционализма процессы изменений оказались на периферии внимания социальных наук на Западе. Инновации стали рассматривать как проявления неравновесий, напряжений в системе или же как отклонение от нормы, служащее источником новых напряжений.

В культурантропологии понятие «инновации» исследовалось прежде всего с методологических позиций эволюционной и неозволюционной школы. После культурологов и социологов эстафету исследования проблемы инновации подхватили специалисты, изучающие технические нововведения.

После «великой депрессии» начала 30-х годов среди американских менеджеров становится популярным термин «инновационная политика фирмы». Содержание этого термина сводится примерно к следующему: фирма может получить преимущества на рынках сбыта и максимализировать прибыль не столько за счёт манипулирования ценами, сколько путём постоянного обновления своей продукции. В ответ на запросы практики в 30-е годы начинаются, а в 60—70-е годы получают на Западе большой размах эмпирические исследования нововведений, осуществляемых фирмами и другими деловыми организациями. Государство, в свою очередь, обнаружило понимание инновационности как одной из важнейших ценностей будущего. Особенно активно изучались социальные факторы инноваций в экономической сфере.

Во второй половине XX в. социокультурные и психологические факторы инновационного процесса стали исследоваться в различных областях жизнедеятельности социума (например, в образовании). Инновация стала рассматриваться в качестве механизма общего социального процесса изменения, в ней выделяют четыре основных элемента: «новшество», «новаторы», «агенты

диффузии», «эксперты», причём главная роль отводилась менеджерам, специалистам по внедрению. Господствовал технократический подход, ибо процесс инновизации осознавался как рациональный проект, «запускаемый» по схеме «сверху вниз». Рациональная обоснованность инновации считалась залогом её успешности.

Однако многочисленные случаи «инновационного хаоса», возникающего в ходе модернизационной инновизации, свидетельствуют о явной недостаточности технократического подхода к инновациям. Дело в том, что рыночная культура основана на принципах индивидуализма, прагматизма, универсализма. Человек в этой экономике рассматривается в качестве существа, действующего без участия сакральных сил, и созданные им вещи воспринимаются как его личная собственность. Здесь господствует безличная универсальная товарная форма обмена. Вещь, предназначенная для обмена, не содержит в себе сколько-нибудь скрытых особых символических значений, она обладает вполне ясно выраженной потребительской стоимостью. Обезличенность и рациональный подсчёт прибыли и потерь пронизывали собой товарные отношения.

В качестве примера инновизации социума с негативными результатами можно привести ситуацию, описанную американским культурантропологом Клакхоном, когда колониальные власти — из самых лучших модернизаторских побуждений — разрушили на Фиджи традиционную «экономику дара», однако рыночных отношений там так и не возникло. В результате относительно стабильное фиджийское общество стремительно деградировало и архаические элементы культуры стали регулировать социокультурную жизнь: «На Фиджи, например, престиж человека зависел от того, какой большой пир он может устроить и как много продуктов может отдать своему клану. Человеку не отказывали в том, что он просил, а даритель получал общественное одобрение. Так обеспечивался действенный соревновательный стимул и для производства, и для справедливого распределения пищи. Пытаясь вытеснить этот обычай призывами к бережливости и другими благонамеренными жестами, английские власти и миссионеры лишь подорвали местную экономическую систему. Население Фиджи теряло огромное число людей в эпидемиях, завезённых из Европы, на островах резко упал уровень рождаемости, доведённые до нищеты люди жили на пригоршню риса; и временами казалось, что фиджийцы обречены на вымирание» [2].

Рациональность западного человека — своеобразного максимизатора прибыли — благодаря глобальной экспансии рыночной экономики во все регионы мира универсализирует принципы менеджерской инноватики и некритически переносит их на специфическую культурную почву, что часто и приводит к хаотизации социокультурной жизни, разрушению традиции и возрождению архаики.

Экономическая рациональность — это рациональность предпринимателя, получающего прибыль экономическими методами, т. е. посредством механизмов рынка. Однако существовали и существуют общества, в которых предприниматель не являлся основным образцом, а в качестве эталона в культуре утверждался другой образец. В этом случае инновационно-предпринимательская рациональность не является основным типом рациональности, а присутствует в культуре как маргинальный тип. Экономический «империализм» в методологии — это стремление объяснить любое поведение с точки зрения «экономического человека», чьё поведение полностью укладывается в прокрустово ложе подсчёта баланса «приобретений и потерь». Такой подход стал возможен только потому, что в современном обществе рынок действительно распространяет свои правила поведения на все сферы социума, в том числе такие, которые ранее регулировались с помощью иных норм.

С точки зрения М. Вебера, любой вид человеческой деятельности в сферах экономики, политики, религии, науки и т. д. ориентируется на свои особые ценности, а это означает, что в реальности никакой «чистой» рациональности не существует, но всегда есть фиксируемая индивидом рациональность «для чего-то», всегда есть выделенная цель-ценность и допустимые сред-

ства её достижения. Поэтому, к примеру, невозможно содержательное сравнение рациональности феодала и капиталиста, учёного и священника. Эти типы рациональности и типы социального действия можно выделить как определённый «идеальный тип» и с его помощью объяснять реальное поведение.

Для М. Вебера «неразумное» поведение Лютера, как и поведение Иисуса Христа, вполне разумно с точки зрения исповедуемой ими этики убеждения.

С социокультурной точки зрения в инновационном процессе участвует не абстрактный «экономический человек» со своей калькуляцией прибыли и потерь, а реальный индивид, обладающий уникальным сплавом различных типов рациональности, т. е. интериоризированных ценностей культуры. Отсюда и возникает необходимость формирования специфической социокультурной методологической парадигмы, позволяющей релевантным образом исследовать сложные, нелинейные социокультурные системы.

С этой точки зрения было бы серьёзной методологической ошибкой считать, что архаика относится исключительно к доцивилизационному этапу исторического развития и существует в настоящее время лишь в качестве некоего пережитка, не оказывающего сколько-нибудь заметного воздействия на постиндустриальный социум, на инновационное и глобализирующееся общество. Эта позиция, приобретая для многих гуманитариев статус «само собой разумеющейся» научной истины, базируется на однолинейной, однозначно-прогрессивистской модели историко-культурного процесса (подвергшейся ещё со времён Боаса и его школы серьёзной критике) и концептуализируется в настоящее время в различных теориях модернизации — «догоняющей», «органической», «разнофазной» и т. д. Однако разворачивающаяся на наших глазах глобализация явно фиксирует возникновение целой сети устойчивых демодернизационных эффектов. Так, сетевая структура постиндустриального социума, о которой столь убедительно писал М. Кастельс, порождает и «своё другое», целые системные области доцивилизационного мышления и действия — здесь достаточно привести пример мирового терроризма, обладающего гибкой и глобальной сетевой структурой, широко использующего Интернет и одновременно воспроизводящего самые архаические формы исламского фундаментализма).

Глобализация во многих странах осуществляется через инновизацию, модернизацию, причём не органическую, а «догоняющую», и на этом пути возникают феномены, явно противостоящие современности. Речь идёт о процессах архаизации, возникающих в кризисном, переходном обществе, когда, если следовать диалектической традиции, старое качество разрушается, но ещё не исчезло, а новое возникает, но ещё не возникло. Разрушение господствовавших в обществе культурных норм, правил и способов поведения ведёт к обнажению старых, архаических пластов культурной жизни. Культура, как и природа, не терпит пустоты. По Й. Хейзинге, процесс «варваризации» означает, что более примитивные, архаические начала культуры выдвигаются на первый план и замещают культурный вакуум, возникший в ходе разрушения старых основ общественной жизни.

Для современной России проблема нововведений весьма важна в связи с тем, что на протяжении многих десятилетий она была втянута в различного рода инновационные эксперименты социального, политического, экономического и культурного характера. Всё это наложилось на общий мировой кризис глобального сообщества.

Если рассматривать кризис на постсоветском пространстве, то можно отметить и ситуацию архаизации непосредственно самого процесса производства, сложившуюся на множестве российских предприятий в середине 80-х гг. XX в.: «Если мы посмотрим на ситуацию изнутри предприятия, то обнаружим уже известную закономерность: распад социальной организации данного типа есть последовательность ступеней её демодернизации с сохранением наиболее архаичных организационных структур. Распад, как правило, начинается с отказа от ячеек и связей, обеспечива-

ющих модернизацию производства, потом следует отказ от систем, контролирующих выброс отходов в среду, затем — отказ от социальных инфраструктур, обеспечивающих нормальную жизнедеятельность персонала, т. е. прекращение инвестиций в воспроизводство и накопление «человеческого капитала». Следующий шаг представляет собой селекцию персонала, сначала по «объективным» показателям (пол, возраст, квалификация, состояние здоровья), затем уже по критерию приближённости к управляющему клану. Наконец — отсечение целых производственных единиц или структурных подразделений. Всё это на начальном этапе стимулировало накопление энергии распада и её трансформацию в формы асоциального поведения» [3].

Итак, «экстремистская», неорганическая модернизация экономики неизбежно порождает архаику. Инновизация общества также парадоксальным образом может быть связана с его архаизацией. Модернизационный процесс в данном случае приводит к противоречивым результатам: вместо движения вперёд к более совершенному обществу возникает процесс возвращения к примитивным формам развития. Архаика, возникающая в ходе столкновения модернизации и традиции, проявляет себя в экономике, политической и культурной сферах и т. д. и становится важнейшим фактором формирования современного «духа времени».

Технократический подход к реализации новаций делает акцент на административной и информационной составляющих как основе инновационного процесса, что ведёт к забвению другой стороны социального творчества — ценностно-ориентационной, возбуждающей социальную энергию и активность человека. Оказывается, что одной только новой информации о новшестве для её реализации совершенно недостаточно. Для того чтобы данную информационную составляющую новации реализовать в социальной действительности, необходим иной уровень мотивации для субъектов данного процесса. Речь идёт о факторах прежде всего культурного и духовного плана, связанных с устойчивой идентичностью человека. Современное инновационное перепроизводство носит разрушительный характер, поскольку переизбыток поступающей извне информации о новациях, попытки их внедрения со стороны властных структур не находят эффективного использования в той или иной социальной подсистеме общества, что повышает уровень дезорганизации, поскольку не позволяет индивиду выстроить устойчивую систему ценностей и мотиваций. Подобное перепроизводство знаний, идей и новаций напрямую связано с процессом деидентификации, ибо не учитывает ценностный фактор в развитии человека и различного рода социальных институтов.

Инновационный общественный прогресс несёт в себе и новые источники разрушения устойчивой человеческой идентичности. Для успешной реализации инноваций в массовом масштабе необходимо освобождение человека в политическом и экономическом смыслах, установка на автономию развития, творческую свободу. Однако за всем этим таится опасность фрагментации человеческого сообщества, дезинтеграции социального поведения и целостности духовного развития. Отказ от трансцендентальности системы духовных ценностей, их утилитаризация, понимаемая в постмодернистском духе, ведёт к разрушению как духовного, так и экономического и политического пространств. Вакуум ценностей ведёт к тому, что создание образцов социального поведения оказывается прерогативой политических или духовных «манипуляторов», что ведёт к деидеализации социальных связей и отношений. Постмодернистская идеология в связи с этим утверждает игровой тип поведения, в котором главное место занимает подражание так называемой референтной группе. Жажда символического удовлетворения проявляется в следовании моде, успех становится главным идолом общественно-нравственной жизни социума. Отсюда именно прагматизм определяет мораль инновационного общества.

Выводы. Таким образом, современное общество, где базовым социокультурным механизмом производства и трансляции культуры является не традиция, а инновация во всех сферах жизнедеятельности человека, находится в состоянии непрерывной «гонки за новизной», в результате

чего ситуация оказывается вполне адекватной диалектической формуле: «старое отживает, но ещё не отжило, а новое возникает, но ещё не возникло». Иначе говоря, социум конца XX — начала XXI вв. является перманентно кризисным, переходным, транзитивным и всё более рискогенным. Этот социокультурный кризис, сопровождающийся непрерывным процессом разрушения господствовавших в обществе культурных норм, правил и способов поведения, может привести к обнажению старых, архаических пластов культурной жизни.

Библиографический список

1. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. — Москва: Новое изд-во, 2011.
2. Клакхон, К. К. М. Зеркало для человека. Введение в антропологию / К. К. М. Клакхон. — Санкт-Петербург: ЕВРАЗИЯ, 1998. — С. 221.
3. Яницкий, О. Н. Россия как «общество риска»: контуры теории / О. Н. Яницкий // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В. А. Ядова. — Москва: Канон-Пресс-Ц, 2001. — С. 41.

Материал поступил в редакцию 02.03.2012.

References

1. Inghart, R. Modernizaciya, kul`turny`e izmeneniya i demokratiya: posledovatel`nost` chelovecheskogo razvitiya / R. Inghart, K. Vel`cel`. — Moskva: Novoe izd-vo, 2011. — In Russian.
2. Klakxon, K. K. M. Zerkalo dlya cheloveka. Vvedenie v antropologiyu / K. K. M. Klakxon. — Sankt-Peterburg: EVRAZIYA, 1998. — S. 221. — In Russian.
3. Yaniczkiy, O. N. Rossiya kak «obshhestvo riska»: kontury` teorii / O. N. Yaniczkiy // Rossiya: transformiruyushheesya obshhestvo / Pod red. V. A. Yadova. — Moskva: Kanon-Press-Cz, 2001. — S. 41. — In Russian.

“INNOVATION CHAOS” IN TRANSITIVE SOCIETY (SOCIOCULTURAL ANALYSIS)

O. M. Shtompel

(Southern Federal University)

Innovation processes in the modern society are considered from the sociocultural point of view. Some crisis phenomena (such as archaicism of culture) occurring under the "innovation chaos" conditions in the changeable socium are defined.

Keywords: sociocultural innovation, innovative crisis, modernization, archaicism.